

Шанталь, или Корона против 2

Автор:

Екатерина Боброва

Шанталь, или Корона против 2

Екатерина Александровна Боброва

Что делать, если любимая родина встречает указом об аресте и обвинением в убийстве? Жених пытается добиться милости императора, дядя готовит побег из тюрьмы, а неведомые личности уже порушили все их планы, выкрав из-под носа псов императора. Да здравствует свобода! Долой императора! Смерть магам, а наемников на плаху, ибо нечего честным дарьетам навязывать фиктивные браки!

Екатерина Боброва

ШАНТАЛЬ 2,

ИЛИ КОРОНА ПРОТИВ

Глава первая

Северный ветер бился в высокие стрельчатые окна, гудел в каминных трубах, скрипел неприкрытой дверью в конце длинной анфилады комнат. На витражах вспыхивали алые пятна о уходящего за горизонт солнца. С улицы тянуло стылой сыростью, и его величество плотнее придвинулся к горящему камину, с раздражением вспоминая, что днем опять шел снег, а весна в этом году, точно ветреная дева, никак не хотела приходить.

– Фракания... – мелькнуло в докладе секретаря, и император не смог избавиться от возрастающего недовольства. Говорили там, за морем, царило настоящее лето, цвели цветы, к завтраку подавали первую клубнику со сливками. А ему, Тадеус-Эрам-Шари, императору сильнейшей на трех материках державы, кто-нибудь подал клубнику к завтраку? Нет, традиционно там были скучные доклады, нелепые указы и справки. Точно император – не человек. А попросить, так фраканский посол мгновенно решит, что клубника – верный шаг к сердцу императора. Притащит ведро, а вместе с ним – свою персону. Придется лицезреть его смазливую рожу, слушать льстивые речи и намеки на долгое и успешное сотрудничество между странами, будто можно сравнивать Фраканию – плюнь и переплюнешь – и Роланию, где от одной границы до другой за десяток дней не доберешься. От одного вида этого человека клубника потеряет свой вкус, и император, в который раз за день, приказал себе забыть о собственных желаниях.

Полено в камине с треском выпустило сноп искр, секретарь вздрогнул и сбился. Император поморщился – очередной трус. Надо сменить, а стоит ли? Варгах писал, что через неделю возвращается с лечения на водах, лучше потерпеть и рядом снова будет верный, знающий его с детства человек.

– Ваше величество, к вам господин придворный маг, – в комнату, согнувшись, точно сломанная палка, заглянул второй секретарь. очередной бесполезный трус, которых сотнями притягивала к себе власть трона, и чьей смелости хватало лишь на выбор себе хозяина. Этот, например, подрабатывал аж на пятерых. Шари держал его из интереса – сколь долго тот сможет водить за нос своих нанимателей. К тому же из парня вышел прекрасный источник распространения информации. Обронил слово – и можешь быть уверен: к вечеру о нем будут извещены три министра и два промышленника.

– Пригласи, – кивнул император, жестом отсылая секретаря с ежевечерним докладом прочь. Самое важное он услышал, остальное прочтет утром.

Звук шаркающих шагов заставил императора улыбнуться. Вся столица считала магистра – дряхлым стариком, доживающего последние дни. Но проходили годы, а старик все так же шаркал по коридорам дворца, иногда неделями не выходя из своей лаборатории. Дошло до того, что раз в год среди придворных начинали упорно курсировать слухи о смерти Чернобородого – так мага прозвали за черную, в контраст седоволосой шевелюре, бороду. Столь необычное сочетание заставляло многих верить, что знаменитая борода и есть источник силы. И

никто, кроме императора, не знал, что цвет бороды – это след проклятия, которое магистр так и не смог снять за эти годы.

– Проходите. Выпьете? Есть неплохой коньяк. Один умелец наладился делать. Прислал пробную партию для одобрения. Думаю, предложить ему стать поставщиком двора. Что скажете?

Император кивнул на столик, стоящий между кресел. В хрустальном графине темнела жидкость цвета янтаря.

– Скажу, если бы знал, не полз – бежал, – ухмыльнулся магистр, наливая себе коньяк в широкий бокал и вдыхая терпкий аромат напитка. – За здоровье нашего величества, – приподнял бокал, сделал первый глоток, прислушался и одобрительно крякнул, выдавая вердикт: – Дайте ему контракт года на три, позже все равно начнет шельмовать и портить.

Император согласно прикрыл глаза. Все они искали выгоду в отношениях с короной, будто та – дар небес: делать ничего не надо, деньги и блага сами сыплются сверху.

– Что-нибудь слышно о моем, – он паузой скрыл волнение, – кузене Леоне?

– Жив, – магистр Кортэн ВанТойшхас поднял бокал, посмотрел сквозь него на огонь, покрутил в руках и одобрительно пробормотал: – Умеют же, когда захотят.

– Ему сильно досталось, но мой человек виделся с целителем на борту парохода, тот заверил – угрозы жизни нет.

– А девушка? Как ее там? Шанталь?

– Шанталь ВанКовенберх. Приятно, знаете ли, сознавать, что иногда и я могу ошибаться.

– Неужели жива? – император подался вперед.

– Жива и вполне здорова, – магистр одним глотком наполовину опустошил бокал, – за последние дни я почти сроднился с ней, и знаете, какой вывод сделал? Боги хранят наивных, безголовых и отчаянных.

– Вас послушать, так на войне выживают лишь дураки, – хмыкнул император и попросил: – Мне тоже плесните. В бездну запрет целителя.

Бокалы были наполнены и подняты во взаимном уважении.

– А ведь поначалу вы хотели убить девчонку.

– Хотел, – согласился маг, – и все еще хочу. Посметь украсть единственный опытный образец и замкнуть его на себе! Все же было ошибкой, не ставить в известность вашего кузена об истинном значении охранной печати...

– Вы не знаете Леона... Он бы точно все испортил своим благородством. Признайте, магистр, девчонка оказалась настоящим подарком. Испытания прошли идеально. Сущность прекрасно справилась, защищая хозяйку. Ей хватило сил совладать даже со смертельным проклятием, а ведь мы о таком и не мечтали!

Император вскочил с кресла, в волнении заходил перед камином.

– И получили подтверждение тому, что испытания ведем не только мы, – заметил магистр.

– Если они только и могут, что делать активацию на смерти владельца, им до нас далеко, – отмахнулся император. – Когда я представляю десятки таких сущностей на поле битвы, – Шари замер, прикрывая глаза, – становится страшно.

Он вдруг широко улыбнулся, шагнул к креслу, поднял бокал и залпом осушил...

– А самое приятное – управлять ими могут обычные люди. Мы заставим нас уважать, магистр. Клянусь, весь мир будет нас уважать.

Маг молча покачал головой. Его давно перестала волновать власть. Все, что было действительно важно – это восстановление былых знаний о магии. Но что

делать, если ради оплаты дорогих исследований приходилось создавать опасные игрушки, тем более его коллеги из других стран занимались тем же самым.

Нельзя остановить камень, несущийся с горы. Вопрос лишь в том, кто первым окажется на его пути.

– Завтра они будут здесь.

– Я отдам распоряжение о встрече.

– И как вы намерены поступить? – уточнил магистр, заметив опасный огонек в глазах императора.

– По закону, мой дорогой, исключительно по закону. Куда катится мир, если женщины становятся убийцами? Ее голову требуют родственники убитых, я не могу отказать подданным чужой страны. Придется ей ответить перед законом, но прежде вы успеете пообщаться. Исследования должны быть завершены.

– А ваш кузен?

– Я не дам согласие на его брак с преступницей. Пусть получит урок – нельзя за меня решать свою судьбу. Что касается семьи ВанКоверберхов... Посмотрим на поведение девчонки. Будет послушна – заслужит милости для своей семьи, но оставлять ее в живых – опасно. Мы и так дали много поводов для раздумий нашим противникам.

Я никогда не была в тюрьме и потому еще по дороге к трем автокарам напридумывала себе всевозможных ужасов от крыс до убийц в соседях по камере.

– Ведите себе хорошо, дарьета ВанКовенберх, – со значением произнес офицер, когда мы уселись во второй по счету автокар, – и проблем не будет.

Прошлая я сейчас едва бы сдерживала слезы, нынешняя со злостью прикидывала, что пятеро мужчин – многовато для тесного автокара. Двоих еще

можно было попытаться одолеть, вытащив револьвер из кобуры, но пятеро – глупо даже пытаться, это я понимала, несмотря на всю силу своего отчаяния. Никогда бы не думала, что пожалею об отсутствии черепа, но как бы сейчас он пригодился!

Мои сопровождающие и не подозревали о кровожадных мыслях, что бродили в моей голове. Вряд ли им было известно о наших приключениях во Фракании. В их глазах я – слабая, избалованная дарьета, от которой ожидалась истерика – надо будет обязательно закатить – и ничего больше. Напряженные позы, встревоженные взгляды, бросаемые за спины – здесь боялись не меня.

Но почему тогда меня сопровождают в тюрьму, точно я – закоренелая преступница? Три автокара, каждый полный вооруженных мужчин. Неужели думают, я голыми руками тех троих убивала? Боятся – сбегу по дороге?

Нет, глупости. Причина столь усиленной охраны в женихе и дяде. Вот кого опасались солдаты. И все же сомнения остались...

Мама учила, дарьета должна быть вежливой при любых обстоятельствах, так что я решила начать разговор с вопроса.

– Скажите, пожалуйста, мы направляемся в Лоранию?

Сидящий напротив меня офицер покосился с неодобрением и промолчал. Зато мой вопрос разрядил обстановку, охранники расслабились, спрятали револьверы в кобуры.

Вот и ответ, Шанти. Тебя они не боятся.

Я попыталась отодвинуться от прижавшихся с боков мужчин – и тут же заработала окрик:

– Дарьета, я просил не дергаться.

– Мне жарко и душно, – простонала жалобно, – здесь воздуха мало.

Я демонстративно задышала ртом, попыталась обмахнуться ладонью, но ее тут же перехватили, а около моего носа закачался граненый ствол револьвера.

– Выбирайте, дарьета, я сейчас вас оглушу, свяжу и в таком виде довезу до столицы. Гарантирую, ни жарко, ни холодно вам не будет. Или вы молча, не дергаясь, смиренно сидите и глаз от пола не отрываете. Понятно? – рявкнул он.

Я подпрыгнула, свела зрачки к маячившему около носа дулу револьвера и кивнула.

– Молчать, не дергаться, сидеть смиренно, – повторила послушно, добавив, слегка понизив голос: – Они так же говорили, а потом раз – и умерли.

– Молчать!

Я испугалась, что он меня ударит, и зажмурилась, но мужчина сдержался и даже револьвер опустил.

– Много болтаете, дарьета, – проговорил, тяжело дыша, точно вместо разговора со мной занимался бегом, – а знаете, что происходит с такими болтушками?

Я не знала, но подозревала – ничего хорошего, а потому ответила вопросом на вопрос.

– А знаете, что происходит с теми, кто мне угрожает?

Кажется, офицер пожалел, что позволил мне говорить.

– Вы, я вижу, сделали выбор, – он демонстративно перехватил револьвер за ствол. Я тут же представила, как рукоять опускается мне на затылок, и отпрянула назад, вжавшись в спинку сидения.

Офицер довольно усмехнулся.

– Так-то лучше. Советую поспать, дорога долгая, – и он вытянул ноги, специально коснувшись сапогами моих ног, вынуждая поджать их. Ненавижу! А ведь это только начало. Сколько таких «офицеров» еще будет тыкать

револьвером мне в лицо!

Осознание глубины ямы, в которую я падала, острым отчаянием полоснуло по сердцу. Как вышло, что в родной стране я стала убийцей? Что ждет впереди? Суд, приговор, казнь? А моя семья? Что станет с ними?

Внезапно я поняла, что с боков исчезло давящее присутствие. Мои сопровождающие сдвинулись, освободив вокруг меня кусочек пространства.

Так-так. Сколько времени в пути с Рильсгара до Лорании? Двое суток, если остановимся на ночь. У меня еще будет возможность произвести впечатление на охрану, надо набраться терпения и выждать удобный момент.

И почему именно сейчас мне вспомнилась Ракель с ее постоянными ругательствами? Нет, я не стану делать глупостей, но и сидеть в ожидании, пока меня спасут, не хочу.

Городской особняк Вандаренбергов.

– Леон, когда ты вернулся?

С мраморной лестницы величаво спускалась женщина в черном, в пол, бархатном платье. Белый кружевной воротник, закреплённый брошью с крупным изумрудом, подчеркивал тонкую изящную шею. Волосы дарьеты были уложены вверх и, по последней моде, закреплены золотой сеткой. От затянутой в корсет узкой талии волнами расходился широкий подол.

– Только что, мама, – устало промолвил Леон, отдавая плащ слуге, – могу я, в свою очередь поинтересоваться, что ты делаешь у меня дома? Разве мы договаривались о встрече?

Ракель выразительно округлила глаза и приоткрыла было рот, дабы указать дэршану на неподобающее поведение с матерью, но охнула, получив тычок в бок от Хасселя.

– Ты с друзьями? – дарьета ВанДаренберг обратила свой взор на стоящих в холле людей, мигом вычленив из встречающих хозяина слуг и дворецкого чужие лица. Благожелательно изучила Хасселя, а вот на Ракель, одетой в мужскую одежду, ее спокойствие дало сбой. Дарьета сглотнула, побледнела, но все же нашла в себе силы улыбнуться:

– Добро пожаловать.

Хассель светски поклонился и, выпрямляясь, дернул Ракель за рукав. Та, опомнившись, изобразила кивок, потом шаркнула правым ботинком, а в конце присела в реверансе, кончиками пальцев ухватившись за штаны. У дарьеты ВанДаренберг дернулся правый глаз, она поспешно отвела взгляд от странной гостьи, целиком сосредоточив свое внимание на незнакомом дэршане.

– Если останетесь на ужин, я велю поставить приборы на стол.

– Не стоит, – Леон говорил на ходу, направляясь в кабинет, – мы поужинали в поезде. Мама, прости, много дел. Встретимся завтра и поговорим.

– Стоять! – окрик прокатился по лестнице, затих эхом на верхних этажах. Дарьета ВанДаренберг нервно поправила рукав, улыбнулась и шагнула с лестницы на мраморный пол холла.

– Прошу прощения, мне с сыном надо срочно обсудить важные семейные дела, – смотрела она при этом исключительно на Хасселя, – вы можете пока отдохнуть с дороги. Вам приготовят комнаты. Сын, жду тебя в кабинете.

Быстрым шагом прошла мимо Леона, и тот, извиняясь, развел руками.

– Иди, – беззвучно проговорил Хассель и, ухватив Ракель за талию, подтолкнул девушку к лестнице, – а мы пока разместимся и приведем себя в порядок, а то твоя мама нервный тик заработает при виде нашей Ракель. И не шипи, разве я не прав? Женщина должна выглядеть как женщина, а не как матрос с судна. Леон, не знаешь, где можно быстро раздобыть одежду?

Дэршан повернулся к дворецкому:

– Тарлис, позаботьтесь о гостях и предоставьте им все необходимое, – распорядился он, поспешив в кабинет.

Дворецкий ответил глубоким поклоном, потом с кислым лицом окинул гостью неодобрительным взглядом и бросил пренебрежительно:

– Следуйте за мной. Вас разместят в крыле прислуге, а дэршана в гостевых комнатах на втором этаже.

Ракель фыркнула, одарила дворецкого убийственным взглядом, пробормотав себе под нос:

– Смелый, да?

И Хассель поспешно увлек ее по лестнице на второй этаж, спасая дворецкого от немедленной расправы.

Тарлис протер белоснежным платком вспотевший лоб, глубоко вздохнул, успокаивая зашедшееся сердце. А девка-то, ну девка! Ведьма! Взглянула – точно кинжал в сердце воткнула.

Что творится?! Совсем хозяин забыл о своем положении. Притащил домой невесть кого, а ему возиться. И при всем уважении, если гости одеты как бродяги, то место им на черной половине дома со слугами, а не в гостевых покоях на втором этаже. Поддерживать порядок в доме можно лишь соблюдая правила, а если их нарушать, во что превратится благородный дом? Был бы жив старший ВанДаренберг, разве допустил бы он подобного безобразия?

Дворецкий покачал головой, на всякий случай достал из кармана амулет от сглаза и нарочито медленно двинулся следом за странной парой.

– Ты понимаешь, что творишь, безголовый мальчишка?!

Дарьета ВанДаренберг шагнула к Леону. Рвано вздохнула, выдохнула и замерла, вглядываясь в лицо сына.

- Вижу, не понимаешь. Упрямец! Во что ввязался?

- Мама, я разберусь. Не вмешивайся.

- Не вмешивайся? - терзаемый дарьетой платок не выдержал и треснул. - Ты так ответишь императору? Не вмешивайтесь, ваше величество? Веришь, он послушает?

Леон побледнел, на скулах заиграли желваки.

- Что он тебе сказал? И когда?

Из дарьеты словно весь воздух выпустили, она прошла к дивану, села, держа по привычке спину ровной, а подбородок высоко поднятым. Утомленно прикрыла глаза.

- Вчера днем мне приказали, - взгляд Леон наполнился яростью, - прибыть во дворец. Его величество указал на твое плохое воспитание и недостаточное уважение к его монаршей особе. Я не понимаю, - Фэльма ВанКовенерх беспомощно посмотрела на сына, - ты столько сделал для страны, неужели нельзя было пойти навстречу, - ее голос сорвался на крик: - И одобрить эту бездной проклятую помолвку!

Она перевела дыхание, расправила надорванный платок и продолжила:

- ВанКовенберхи - не идеальная, но приемлемая партия. К тому же я слышала, средняя дочь хороша собой и не пустышка. Я знаю, ты предпочитаешь умных женщин, потому и связался с ВанДаргмейр, но поверь, я готова на любую невестку, только не на Роалину. А теперь можешь объяснить, почему Шанталь ВанКовенберх признана неподходящей партией для тебе?

Леон не выдержал, отвел взгляд. Дошел до кресла, пододвинул его к дивану, сел, вытянул ноги, остро жалея, что в присутствии матери нельзя налить что-нибудь крепче чая.

- Шанталь арестована.

– Что? – Фэльма округлила глаза и даже рот приоткрыла. – Но почему?

– А вот это я и хотел выяснить у своего венценосного родственника, – со злостью выговорил Леон, – за последнее время у меня к нему накопилось мно-о-ого вопросов.

– Ничего не выйдет, – покачала головой Фэльма. – Его величество внес тебя в список нежелательных персон для двора. На сколь долгий срок – не знаю, но пойдешь завтра – только на посмешище себя выставишь.

– Я должен, мама, должен. И вытащу ее из тюрьмы, чего бы мне это не стоило.

Дарьета по-новому посмотрела на сына. Отметила утомленный вид, синяки под глазами и лихорадочный взгляд, который так не вязался с маской невозмутимости на лице. Впрочем, сейчас сквозь истаявшую маску были различимы и решимость, и болезненное упрямство, и боль.

Фэльма скорбно улыбнулась – неужели ее сыну не повезло влюбиться? Столь плачевное чувство для тех, кому нельзя выбрать себе пару. А если – ее сердце болезненно сжалось – он не смирится? Пойдет против императора, против правил высшего света и женится на той, кому уже закрыт путь в благородные дома?

– Пойду я, – она встала, – но ты должен быть готов ко всему. Знаю, нелегко это принять, особенно, если девушка невиновна, но ты не хуже меня знаешь, его величество всегда ставит интересы страны выше любых браков или чьих-либо чувств.

Глава вторая

Мои мысли были столь далеки от мыслей благородной дарьеты, что впору было идти, нет, бежать на покаяние в ближайший храм. Например, в тот, мимо которого мы сейчас проезжали: простой, деревенский с выкрашенной в синий – цвет неба – краской. Бедный храм с покосившимся забором был под стать деревеньки: пара десятков домиков, грязный снег на обочине, глубокие лужи на

дороге и проезжающие по ней три автокара – жители еще месяц нас обсуждать будут.

К моему удивлению, мы свернули с главного тракта почти сразу как выехали за город, и наш путь превратился в сплошные потрясывания, подбрасывания и подкидывания нижних частей тела с жестких сидений автокаров. Не знаю как мои тюремщики, но я отбила себе все, что могла. Давно уже были забыты приличия, и мы с соседями по очереди заваливались друг на друга. По началу еще извинялись, смущались – исключительно я, а потом перестали. По мере нашего продвижения к столице, усталость все больше опутывала липкой паутиной, превращая нас в бледные тени самих себя.

Мне был любопытен выбор маршрута, но офицер на мой вопрос лишь непочтительно усмехнулся, а когда я поинтересовалась: кого он так боится, что прячется по деревьям, избегая удобного тракта, посоветовал не лезть во взрослые дела. Еще и намекнул, что кляп у него всегда под рукой – в левом кармане, а в правом – револьвер.

Пришлось замолчать и сделать крайне неутешительный вывод из столь бесцеремонного поведения. Я могла сколь угодно надеяться, что арест – ошибка. И стоит мне появиться во дворце, как добрый и мудрый император выслушает объяснения, все поймет и отпустит, но внутри зрело твердое убеждение – нет, не отпустит. И обвинение в тройном убийстве не случайно, как не случайно и то, что меня арестовали, стоило ступить на родной берег.

И где справедливость? Где милосердие? Разве я преступница?

А кто выпустил череп? Кто испортил охранное заклинание своей кровью? Кто наделил сущность жаждой убийства? Разве этого мало для обвинения?

И за что мне это? Ну сколько можно расплачиваться за один глупый поступок?

Шанти-Шанти, если твои домыслы верны, то расплата наступит скоро. Аристократов у нас расстреливают. Аристократок тоже. Могут, правда, заменить казнь на пожизненное заточение в монастыре, но, боюсь, это не мой случай. Мужчины свято уверены – женскую болтливость только могила исправит.

Череп, проклятие, магия... Со всем этим определенно связаны маги. Но как такое возможно? Маги занимаются целительством, помогают с погодой и урожаями, развлекают публику фокусами. Любая иная деятельность под строгим контролем государства. Да и не слышно о магах давно. Иллюзионисты еще мелькают в печати, остальные – точно вымерли. А скольких я встретила во Фракании? Трех! Больше, чем за свою прошлую жизнь. И двое – явно не в иллюзиях были сильны.

Я снова и снова прокручивала бой на пристани. Ощущение чужой силы. Жуткое чувство, когда жизнь перестает принадлежать тебе, когда перехватывают нить, и ты понимаешь – еще чуть-чуть – и она оборвется, открывая дверь в бездну.

Ненавижу магов еще больше сторожевых псов. Внутри до сих пор холодеет при воспоминании о битве. Неужели маги снова набирают силу? Хотят вернуть те жуткие времена, когда все подчинялось им?

Нет, невозможно. Мир изменился. У нас появились порох, оружие, двигатели. Какие-то безумцы пытаются освоить полеты в небо, чтобы распугивать там птиц. Да и медицина не стоит на месте. Мы все меньше нуждаемся в чудесах, так что же случилось во Фракании? Только ли попытка овладеть военными кодами?

От всех этих размышлений у меня разболелась голова. О Леоне я запретила себе думать, потому как сердце при мыслях о женихе начинало ныть, а на душе становилось так тоскливо, что впору о петле думать, а не планы на побег строить.

Я хотела и боялась того, что он меня освободит. Больше всего пугало то, что попытка добиться моей свободы разрушит его жизнь. Вряд ли на расстрел, но в ссылку наш император вполне может отправить. Не хочу, чтобы Леон пострадал. Ему и так досталось из-за меня. Если сбегу – не будет ли лучше исчезнуть? И больше никогда его не увидеть?

От накатившей горечи в глазах защипало, и я поспешно их прикрыла, скрывая слезы от тюремщиков.

Шанти, прекрати. Ты прошла через столько испытаний, так почему простой арест ввергает тебя в отчаяние? Может потому, что ты считаешь его предательством? Но эти люди, пусть они и твои земляки, выполняют приказ.

Вопросы надо задавать тому, кто его отдал.

- Тормози.

Наш автокар засигналил, и мы остановились на окраине поляны. Хлопнули дверцы, тюремщики, не скрывая облегчения, выползали из машин размяться.

- Эй, дарьета, - офицер просунул голову в салон, - вас проводить до кустиков или сами дойдете?

- Дарьета ВанКовенберх, - поправила, искренне сожаления, что правила высшего общества запрещают опускаться до уровня обидчика. А значит, ни чая в лицо, ни такого же «Эй, дэр», офицер не получит.

- Справлюсь, - стараясь сохранить достоинство и не морщиться, я выбралась из машины.

Апрель. Где-то поспела клубника, цветут цветы, а у нас среди деревьев лежат сугробы, небо хмурится серыми тучами, и березняк стоит голый. И как приличной дарьете найти здесь «кустики»? Разве что набросать валежник и спрятаться за ним?

Рыхлый наст не держал, и я шла, проваливаясь по щиколотки. Снег попал в ботинки, так что мокрые ноги мне были обеспечены. В лесу сугробы выше, но упрямство вело меня дальше, к группе елок.

- Эй, - за веревку, привязанную за талию, меня дернули назад, и я вынуждена была ухватиться за ствол березы, чтобы удержать равновесие.

- Долго еще?

Отвечать не стала. Подняла подол и шагнула дальше. Сзади выругались, но дергать перестали.

Да-да, меня, точно козу на привязи, сопровождали в лес. Стыдно так, что от злости холода не чувствовалось.

До елок добралась с мокрыми ногами, мокрым подолом платья и плаща, заранее предвкушая прелесть дальнейшего путешествия и простуду, которая ко мне привяжется.

Ничего, Шанти, простуду скоро вылечат. Выстрелом в сердце.

Нырнула за елку, выбрав самую разлапистую. Мой тюремщик остался метрах в пяти. Вроде и далеко, но вопиюще близко, а уж про приличия стоит набрать полный рот снега и промолчать.

Я с тоской оглядела лежащий впереди лес. Не смотря на снег, в воздухе пахло весной. Весело перекликались птицы, белели пушистыми комочками почки вербы, и там, впереди, меж белых с черными полосками стволов, лежала свобода. Недоступная для меня свобода, потому как бегаю по сугробам я не быстро. И побегом лишь согреюсь, да тюремщика повеселю.

Слева зашумело, заскрипело, запели сухостои, точно ветер решил поиграть в салочки с деревьями. На душе стало беспокойно, и я быстро оправила платье, одернула плащ, а мой тюремщик уже торопил, дергая за веревку. Не мне одной внезапно стало не по себе в оживающем лесу. А деревья и точно просыпались, сбрасывая с веток остатки заиндевелого снега. В чаще гудело и выло на разные голоса.

- Волки? - почему-то шепотом спросил меня мужчина. Я прислушалась. В шуме набирающего силу урагана действительно пару раз прорезался далекий вой.

- У вас оружие, - пожала плечами, не видя особых проблем, даже если стая успеет нас догнать, - отобьемся. А если боитесь, дайте лучше мне. Я хорошо стреляю.

- Вот еще, - оскорбился тюремщик, но оружие достал и курок взвел.

Следующий вой, прозвучавший гораздо ближе, заставил вздрогнуть нас обоих. Было в нем что-то неправильное, а главное - волки не могут бегать так быстро, если только стая обманом не брала нас в кольцо.

– Обратни! – взвыл вдруг сопровождающий, и точно обезумевший лось ломанулся в гущу елок. Меня дернуло, уронило, протащило по снегу, ударяя о стволы и царапая ветками. Резкий рывок, и движение прекратилось. Я потянула за веревку, та послушно поползла ко мне. Конец был измазан чем-то темным и оборван.

Я вскинула голову, улавливая краем глаза мелькнувшую за стволами тень. Стиснула зубы, медленно встала, прижалась к стволу, готовясь распрощаться с жизнью. Ну какая разница, умру я пару дней раньше или позже? Расстреляют меня или съедят?

Прикрыла глаза, чтобы не видеть того, кто скрывался в елках. Скрип снег, едва слышный в продолжающемся бесноваться ветру. Бешенный стук моего сердца. Обжигающая щеку слеза. Чужое дыхание. Я чувствовала смрад зверя, тяжелый запах свежей крови. Зажмурилась сильнее. Почему он не убивает? Почему медлит?

Выстрел взорвал пространство вокруг меня, и боль от впившейся в шею щепки вернула к жизни. Я без сил, сглатывая слезы, опустилась на снег. И стало все равно, что вокруг продолжают звучать выстрелы, что меня трясут, задают какие-то вопросы, а потом к губам подносят флягу и насильно вливают в рот. Темнота, наконец, приняла меня в свои объятия.

– И все же удивительно, почему он вас не тронул, – офицер разглядывал меня, точно таракана, ожившего после встречи с ботинком.

– Вы его спугнули выстрелами, – с деланно равнодушным видом пожала плечами, всеми силами стараясь скрыть бившую меня дрожь. Холод от мокрых ног распространялся вверх по телу, заставляя ежиться и плотнее кутаться в плащ. Тепло от влитого в меня алкоголя закончилось, как и обморок. Я вновь ехала в компании тюремщиков с той лишь разницей, что внутри автокара нас было пятеро.

– Дарьета, – протянул мужчина, не отрывая от меня настороженного взгляда прищуренных глаз, – поверьте, у него было достаточно времени, чтобы перегрызть вам горло. Да и беднягу Томпта, – кивок на пустующее рядом с ним место, – он уволок, не особо надрываясь. Все, что оставил после себя: окровавленный снег, фуражку и револьвер, из которого так и не успели

выстрелить.

Я сглотнула ставшую вязкой слюну.

– Может, вы избавите меня от подробностей, дэр?

Офицер криво ухмыльнулся, ни разу не впечатлившись моей просьбой.

– Дорога дальняя, скоро ночлег, мне нужно знать, какие еще сюрпризы вы таите в себе, дарьета.

– С чего вы решили, что я пораду вас откровенностью? – спросила сердито. Саднящее горло и заледеневшие ноги – плохие помощники в разговоре. Хотелось закрыть глаза и помечтать о том, что скоро меня ждет теплая постель и горячий чай.

– Вы хоть немного представляете себе особенности поведения измененных?

– До сегодняшнего дня, я верила – их полностью истребила императорская гвардия.

Офицер поморщился от моего сарказма, но его лицо тут же приняло нарочито сочувствующий вид, и я замерла в ожидании гадости.

– Измененные, – от ленивого лекторского тона замутило, – животные, подвергнувшиеся длительному, как правило еще в утробе матери, магическому воздействию.

Я прекрасно помнила те байки, что ходили среди слуг об обнаруженных в помете пару-тройку монстров вместо щенков. О пожравших матерей тварях. О... многих иных малоприятных вещах, которые никогда не узнала бы воспитанная дарьета, не будь она столь любопытна.

– Как вы, наверное, знаете, измененные не могут иметь потомства, у них высокая регенерация, увеличенная в несколько раз продолжительность жизни, и они, до проклятой бездны, умны. Императорская гвардия успешно уничтожила почти всех, но эти твари выучились прятаться в недоступных дебрях, где их сам

хозяин бездны не найдет. И поэтому, мне любопытно, что или кто сегодня выманил тварь к нам на дорогу?

У меня был готовый ответ: голод, но офицер прав – зачем ему бедняга Томпт, когда в лесу полно дичи.

Я нервно поправила завязки плаща, уж больно мне не понравился испытующий взгляд мужчины.

– Не смотрите на меня так, словно это я его к себе приманила. И совсем я, – запнулась, – не вкусная.

– Видите ли, я – не эксперт в оценки вкусоности мяса юных дарьет, меня в них привлекает несколько иное.

По мере осознания смысла произнесенных мужчиной слов, мои щеки начали алеть румянцем.

– Но знаете, по какой еще причине, кроме вашей гипотетической невкусности, измененный может не тронуть жертву?

Он точно издевался. В другом месте и в другое время, я бы поставила нахала на место, но без защиты семьи, что может сделать преступница? Правильно, сжать ладони до впившихся в кожу ногтей и заставить себя забыть о гордости дарьеты.

– Если жертва уже отмечена другим хищником. Вы точно не желаете мне ничего рассказать, дарьета?

Я прикрыла глаза, давая понять – разговор окончен, но офицер считал иначе.

– У меня приказ – доставить вас в столицу живой. Думаю, вы и сами в этом заинтересованы. Так что к бездне ваше упрямство, помогите мне, дарьета!

Я крепче зажмурилась. Заинтересована? Прожить еще пару-тройку дней, заполненных унижением и допросами? Живя одной лишь надеждой, что у Леона хватит сил и влияния меня спасти?

– Через два часа мы остановимся на ночлег. Советую, забыть о своем упрямстве и рассказать мне все. Поверьте, дарьета, я умею слушать.

Вот в этом я не сомневалась. Мне не только выслушают, но и вывернут жизнь наизнанку. Чужой человек станет взвешивать и оценивать мои поступки, мысли, желания. Мерзость. Ненавижу сторожевых псов.

Я задышала глубже, успокаиваясь и загоня слезы обратно.

Измененный. Бездна, как давно это было! Сколько мне тогда исполнилось? Семь? Не важно.

Я точно знала – императорской гвардии не уничтожить до конца тварей, потому что они продолжали появляться на свет, не смотря на запрет императора. Возможно, причиной был странный гость отца, живший у нас в то время, может, еще что-нибудь, но тварь я увидела первой – черного уродца, с шипастой на загривке шерстью, с кривыми клыками, ядовитыми иглами на хвосте. Он был мокрый и едва стоял на ногах после рождения. Я испуганно собралась позвать взрослых, но монстр жалобно тьякнул, а Мизра, любимая борзая отца, закрыла его своим телом. Потом тяжело, по-человечески вздохнула и подтолкнула уродца ко мне.

Я спрятала его на чердаке в конюшне, кормила тайком мясом, пирожками и котлетами, а через три недели он выпрыгнул навстречу, стоило открыть дверь, скатился с лестницы и исчез, напоследок наградив укол ядовитых игл в плечо. Десять дней я провалялась в горячке, выжила чудом и вот теперь... Нет, не может быть, чтобы щенок пометил меня своей жертвой. И уж тем более я не собиралась рассказывать о своей детской глупости императорскому безопаснику.

Все его домыслы о тварях... Чушь и ничего больше. Я никогда не слышала, чтобы в наших краях встречали измененных или пропадали люди. Меня никто не преследовал и не пытался съесть, а о том детском случае я вспомнила только после слов офицера. До встречи с черепом в моей жизни было так мало магии, что и говорить не стоило.

И все же какое-то странное чувство заставляло чутко прислушиваться к звукам снаружи, а в памяти вновь и вновь прокручивать столкновение с чудовищем.

Дорожный трактир явно знавал лучшие времена. Те, когда не было имперских трактов, по которым носились автокары, или те, когда люди предпочитали ездить в каретах, а не передвигаться по железной дороге. Сейчас его крашенные стены были покрыты серым налетом грязи, доски на крыльце угрожающе скрипели, а перекосившаяся дверь не закрывалась плотно, оставляя широкую щель на улицу.

Трактир медленно старел вместе с хозяином – высоким худощавым стариком, чья выправка выдавала в нем отставного военного. Он вышел из-за стойки к нам навстречу, держа в руках свечу в подсвечнике.

– Комнаты, ужин, дарьете – чай и горячей воды, – принялся распоряжаться офицер, стоило нам переступить порог погруженного в полумрак зала. И трактир ожил. Из подсобки выползла заспанная девица, откуда-то вынырнула пара ребят лет пятнадцати. В зале добавилось свечей, и тройка единственных посетителей недовольно щурилась – мы нарушили их тесное общение с бутылкой мутной браги.

Наш путь сюда затянулся. Из-за поломки одного автокара, не выдержавшего издевательств разбитой дороги, мы провели в быстро сгущавшихся сумерках лишних два часа. Нервничали водители, втроем копаясь в нутре машины. Нервничали охранники, косясь на темноту леса за спинами и кидая обвинительные взгляды на меня. Мерзла я, сидя в стылом нутре машины.

И сейчас, чувствуя себя абсолютно разбитой, я опустилась на скамейку. От холода и усталости не хотелось есть, но горячий чай мне необходим, чтобы завтра не лишиться голоса. Впрочем, было бы забавно посмотреть на лица дознавателей, когда они попытаются провести допрос, получив в качестве ответов мое сипение.

– Ваш чай, дарьета, – на стол довольно чистый, хоть и без скатерти опустилась глиняная кружка. Я вдохнула аромат трав и, подняв голову, вопросительно посмотрела на стоящую передо мной женщину.

– Вы бледны, я сочла нужным добавить трав, – пояснила та, – не волнуйтесь, ничего такого. Немного брусничного листа, малина, душица и мята.

Мне бы яду, но брусничный лист тоже сойдет.

– А мы сейчас проверим, такого или нет, – и офицер, чтоб его бездна проглотила, сделал щедрый глоток из моей кружки. Прислушался к вкусовым ощущениям и разрешительно кивнул: – Пить можно.

С какой целью он сейчас на яд проверял? Чтобы защитить или чтобы предотвратить мое самоубийство? Я по-новому взглянула на мужчину, ища на его лице признаки помешательства. Говорят, род занятий отражается на личности. Надеюсь, этот не слишком здоровый человек сохранит остатки здравого смысла до приезда в столицу.

С тяжелым вздохом я отодвинула испорченный чай.

– Принесу вам новый, – еле слышно шепнула женщина, потом добавила сочувственно: – Комната скоро будет готова.

Все-таки наш народ любит сырых и убогих. Понимала ли она, кого видит перед собой? Знала ли, что означают мундиры заявившихся в трактир людей? Скорее всего, да. И все равно сочувствовала той, кого везут в тюрьму.

Я благодарно улыбнулась женщине, та кивнула и вернулась на кухню.

Через пару минут появился мальчишка с подносом, воровато огляделся и быстро поменял кружки, поставив на стол точно такую же.

Я ухватила за нее обеими руками, с блаженством ощущая, как тепло струится по ладоням.

В зале становилось шумно, мужчины отогревались чаем, и никто не сделал поползновения заказать спиртного у хозяина. Мальчишка бегал между гостями, разнося еду и кружки с чаем. Странно, мне казалось, вначале их было двое. Может, второй помогает на кухне?

– Ваш ужин, – передо мной на стол опустилась тарелка с кашей, и я даже не удивилась, когда рядом появился этот ненормальный с ложкой в руке. Я не находила объяснений поведению офицера. Может, его укусил измененный? Или те, кто работают на корону, все немного того?

– Что же вы не едите? – изволил осведомиться офицер, видя, что я не притронулась к тарелке.

– Благодарю, не голодна, – встала из-за стола, – если не возражаете, я вас покину.

Офицер обвел меня подозрительным взглядом, но поводов для возражения не нашел.

– Идите. Только без глупостей. Трактир полон моих людей, кругом глухой лес.

О да. Кто-то постарался сделать так, чтобы я не смогла сбежать.

Мысленно пожелав офицеру ночных кошмаров, я поднялась на второй этаж. Из-за второй двери выглянула старуха, подслеповато уставилась на свечу в моей руку, потом поспешно поклонилась и открыла шире дверь.

– Ваша комната, дарьета, – еще один поклон.

Дверь закрылась, я подняла свечу повыше, оглядываясь. Что же... кровать есть. На столике таз с горячей водой и лежат чистые полотенца. Через пару минут, подперев дверь стулом, я снимала плащ. Торопливо обтерлась теплым полотенцем, умылась и, не снимая платья, улеглась на постель. Прикрыла глаза, чтобы тут же распахнуть их – за окном прозвучал далекий, но знакомый вой, а потом окно тихо заскрипело. Я села на кровати, обернулась, жалея, что успела погасить свечу.

От брошенного таза фигура уклонилась. Ловко скользнула ко мне, перехватила руку, больно завернула за спину. Я охнула, и чужая ладонь тут же запечатала мне рот, а яростный шепот ожег кожу на шее:

– Тише, дернешься и порежу.

Если бы незванный гость знал истинное положение вещей, он бы не стал беспокоиться. Последнее, о чем я думала – это чтобы позвать на помощь.

Снизу послышались крики, сначала удивленные, затем злые, прозвучал выстрел. От окна раздался шорох.

– Нас засекли, – прошептал кто-то невидимый из темноты.

– Уже понял. Помоги, девчонка с норовом.

– За послушных и не платят столько, – хохотнул мужчина.

По лестнице загрохотали шаги, но меня ловко в четыре руки обмотали веревкой, не забыв засунуть тряпку в рот. Один из похитителей взвалил меня на плечо и перелез через подоконник.

Апрельская ночь встретила знакомым холодом. Мужчина, придерживая мое тело, легко спрыгнул на крышу крыльца, потом на землю. В заложенную бревном дверь трактира били чем-то тяжелым, из окна второго этажа грохнул выстрел, раздался звон разбитого стекла. Похититель выругался, пригнулся и метнулся со двора. Я успела уловить, как вслед нам из окон выбираются синие мундиры, услышать, как офицер кричит, что лично пристрелит идиота, который станет стрелять.

Еще через мгновение от трактира и погони нас отгородил забор. Пахнуло лошадьми, меня забросили в седло, следом вскочил похититель. Перехватил, усаживая и прижимая к себе спиной, звучно гикнул, и тишина вокруг ответила эхом не меньше десятка голосов. Лошади с места сорвались в галоп, устремляясь в самую чащу темного леса.

Глава третья

– Это был последний, – мужчина в черном халате снял очки, протер стекла и устало оглядел сжавшегося в углу клетки человека. У того был бессмысленный взгляд, из приоткрытого рта стекала ниточка слюны, кончики пальцев были

сгрызены до крови, а в поврежденном мозгу осталось единственное желание – умереть. На какие только ухищрения они не шли, чтобы не допустить самоубийств: держали в пустых клетках, кормили под присмотром с деревянной посуды, связывали. Предпоследний откусил себе язык и захлебнулся кровью.

Магистр с раздражением оглядел полностью голого мужчину – одежду перестали выдавать после того, как одного вынули из петли, на которую была пущена рубашка. Сидящий в клетке экземпляр отличался богатырским телосложением, был простодушен, туповат и продержался дольше остальных – пять дней после активации связи, но и его пожрала бездна, оставив пустую оболочку без проблеска разума.

– Магистр, может, стоит все же сообщить его величеству? – осторожно уточнил помощник.

Чернобородый досадливо поморщился. Он прекрасно понимал – исследования зашли в тупик. Человеческий разум без магической защиты не мог выдержать контакта с призванной из нематериального мира сущностью. Три, максимум пять дней – и испытуемый сходил с ума.

Магистр совершил огромную ошибку, когда поспешил доложить императору, что ему удалось достичь не только стабилизации и привязки к материальным предметам, но и подчинить сущность с помощью кровной связи. Оправданием поспешности служила острая нужда в средствах. На восстановление прежних знаний, на обучение учеников, на поиски, а главное – на выкуп книг и артефактов у коллекционеров, на все это нужны были деньги, и немалые.

Загнанная в угол, обескровленная запретами, магия слабаков была не нужна правителям. К тому же в их душах боролись страх перед магами с искушением использовать магическую силу себе во благо. Вот и его величество был готов расстаться с золотом, только если оно пойдет во славу и процветание государства.

Любой запрет можно обойти, даже если он касается прямого запрета на участие магов в военных действиях. Магистру это удалось. Никаких магов. Обычные люди, связанные кровью с призванными сущностями из нематериального мира. Оставалось найти то, что позволит испытуемым оставаться в живых и сохранить рассудок. Над этим магистр и работал последние месяцы.

Его величество пребывал в святой уверенности скорого завершения проекта, щедро оплачивая исследования. И магистр собирался как можно дольше поддерживать эту уверенность. Но чем дальше продвигались исследования, тем суровее становились лица помощников и больше ночей магистр проводил без сна.

- Новая партия готова?

- Почти закончили отбор.

- Включите в нее женщин и детей старше десяти лет.

Помощник побледнел, кивнул с усилием. Сделал пометку в книге.

Чернобородый не сомневался – выполнит. В преданности своих людей он был уверен. Что касается морального выбора... В науке нет места принципам. Он не использовал женщин и детей лишь по одной причине: верил, что подчинить сущность можно лишь силой. Оказалось – заблуждался.

Отдать одну из призванных сущностей главе службы охраны и безопасности граждан было жестом отчаяния или все же выбором провидения. В тот момент он надеялся – полевые испытания принесут нечто новое, позволяющее продвинуться в исследованиях. Надежды отчасти оправдались. Вмешавшаяся в операцию девчонка не только установила связь, но и смогла остаться в живых, а главное – ни единого признака безумия.

Через печать дневника магистр наблюдал за происходящим. И пусть большую часть времени обзор загоразживала ткань сумки, но и подслушивая, он узнал немало. Вот только главного – чем эта особа отличалась от испытуемых – узнать не сумел.

- Завтра она будет здесь. Все готово?

Его последний шанс на успех. Он вывернет девчонку наизнанку, но узнает ее секрет, а если та сумеет остаться в живых, отдаст императору. Пусть устраивает суд и выносит приговор, если ему так хочется поиграть в справедливость.

Придворный маг не верил в абсолютную уникальность. Людей на свете много, где-то обязательно найдется человек с такими же свойствами, надо лишь поискать. Но пока девчонка одна, он сделает все, чтобы сохранить ей жизнь.

– Да, – кивнул помощник и отчитался: – Комнату подготовили, в клетку всегда успеем перевести, все же дарьета, не крестьянка. Стены обили войлоком, окно заделали кирпичом. Вместо кровати – тюфяк на пол. Ничего острого или опасного. Если только не опоздаем, и девушка не сорвется по дороге сюда.

– Я позаботился, чтобы старший был в курсе. Пришлось рискнуть, и дать ему больше информации. Еда, питье, вещи – будет проверять лично. Пусть попробуют не уследить – прокляну. Впрочем, ты прав, страховка не помешает. Отправь им навстречу Байло, а этого, – магистр не сдержал вздох при взгляде на последнего испытуемого, – уничтожьте.

Едва мы удалились от трактира, как похитители перешли на шаг, осторожно направляя лошадей по едва видимой в лунной свете тропинке. Погони они, похоже, не опасались. И то правда, пешком нас не догонят, а машины по лесу не пройдут.

– Все здесь? – окликнули сзади. Мужчины провели перекличку, попутно выяснив, что Рыжего зацепило в плечо, а Жбану досталось по голове, когда он портил двигатель в машине. Я насчитала двенадцать голосов, окончательно уверившись, что погони не будет. Как и быстрого уведомления его величества о постигшей сторожевых псов неудаче.

Кроме холода, добравшегося до внутренностей, меня мучила неопределенность. Я не знала – радоваться случившемуся или впадать в отчаяние. Если меня похитили ради выкупа, разбойникам придется постараться, чтобы тайно передать меня жениху и получить награду. Если похищение спланировано кем-то еще... В душе зашевелилось дурное предчувствие. Даже не зная обстоятельств, я понимала: не станут разбойники ради выкупа нападать на трактир полный стражников. А если ради просьбы, подкрепленной золотом? И кто мог постараться? Дядя? Леон? Нет, они точно не успели бы все организовать. Корона ни при чем. Тогда кто?

Меня начала бить дрожь, заставляя плотнее прижиматься к похитителю. Тонкое платье – плохая защита от стылой апрельской ночи. Мужчина заметил мое состояние, прижал плотнее и укутал нас обоих плащом.

– Потерпите, пара часов, и мы будем на месте.

Я замычала, намекая, что кляп – жутко неудобная вещь.

– Обещаете вести себя тихо?

Пообещала активным кивком. Избавленная от кляпа, с облегчением вдохнула холодный воздух, облизала пересохшие губы, открыла рот...

– И никаких вопросов, – предупредили сзади.

Голос внезапно показался смутно знакомым, но в голове плавала мутная усталость, мысли, замороженные холодом, напоминали студень, и я сдалась, позволив себе расслабиться и прикрыть глаза.

Сквозь дрему ощутила, как копыта застучали по насту дороги, как лошади перешли на рысь, а холодный ветер забрался под плащ, выстуживая остатки тепла.

Меня аккуратно сняли с лошади, куда-то понесли. Бережно развязали, уложили на твердое, сверху прикрыли чем-то теплым, и я окончательно провалилась в беспокойный сон. Куда-то бежала, увязая в глубоком снегу, искала Черныша, дралась с тенями, дрожала под проливным дождем, горела от жара в пустыне. И так по нескольку раз, не в силах вынырнуть из липкого кошмара.

– Дэр, – от порога сторожки лесника приветственно приподнялся Рыжий, баюкая раненую руку. Еще четверых он насчитал в лесу, и судя по тому, что его заметили на дальних подходах, – банда свое дело знала хорошо. Дозорные передвигались умело и бесшумно, и лишь слабый магический дар позволил ему засечь их.

– Сиди, – махнул, возвращая раненного на место, – где все?

– Тир с Принцем поят лошадей, остальные отдыхают и готовят обед.

Про дозорных, молодец, умолчал. И правильно, он для банды – чужак, наниматель и доверие ему лишь на размер кошелька с золотом полагается.

– Девушка?

– Еще не выходила.

Озабоченно нахмурился – скоро полдень, с другой стороны, девушке пришлось несладко, да и легла вчера поздно, но беспокойство заставило ускорить шаг и почти ворваться в сторожку. Внутри жарко горел очаг, воздух был наполнен запахами жаренного мяса, пригорелой каши, лошадиным потом и немытыми телами. Мужики честно пытались вести себя тихо, но что такое четверо здоровяков в тесной избе? При его появлении негромкий смех стих, разбойники повернулись ко входу, Жбан отнял баклажку с холодной водой от головы и привстал с лавки.

Но Фридгерса мало интересовали временные соратники. Он прошел к углу, отдернул грязную занавеску и замер, всматриваясь в лицо девушки. В глаза бросились покрасневшие щеки, обметанные губы, спутанные волосы и тяжелое с присвистом дыхание, но главным сюрпризом стало другое – он знал эту девушку и меньше всего ожидал увидеть ее здесь. Но дневной свет не оставлял сомнений: его рыжее солнце металось в бреду на грязных шкурах.

– Так вот вы какая, дарьета ВанКовенберх, – присел на край топчана, взял горячую ладонь в руки, погладил нежную кожу.

Во Фракании она использовала другую фамилию, да и Шанталь – не такое уж редкое имя, чтобы он даже в мыслях допустил совпадение. Значит, это ради нее он бросил все дела и отложил взятый в империи заказ. Ради нее третьи сутки спал урывками. Ради нее ему было обещано внушительное вознаграждение. Ради нее он перешел дорогу роланской короне. Не в первый раз, но теперь придется чаще оглядываться.

Впрочем, об этом еще будет время спросить у солнца, главное – быстро поставить ее на ноги. Если он потеряет заказ по дороге – не простит самому себе.

Поднялся, повернулся к разбойникам, и те попятились под его тяжелым взглядом.

– И никому не пришло в голову проверить, откуда столь крепкий сон, когда вы топчете здесь, точно табун лошадей?

– Так... это... – главарь сглотнул, вытянул шею, стараясь заглянуть Фридгерсу за спину, – кто их дарьет знает. Может, они всегда так спят?

Фридгерс прищурился, и главарь успокоительно поднял руки:

– Поняли мы, поняли.

– А что случилось-то? – с простодушным удивлением спросил Жбан, и Фридгерс скрипнул зубами, сдерживая порыв метнуть нож в лоб, за которым пряталось столь малое количество мозгов.

– Воды нагреть. Отправь кого-нибудь в деревню. Нужен мед, молоко. Самогон есть?

Главарь повеселел:

– Обижаешь, конечно, есть. Мы же договорились: пока не закончим, ни капли. Целая баклажка.

– Вот с нее и начнем, – кивнул Фридгерс.

По одному виду матери Леон понял – визит во дворец не удался.

– Да что он себе позволяет! – воскликнула дарьета ВанДаренберг, в сердцах швыряя перчатки на банкетку. – Думает, меня можно держать в приемной, точно безродную девку! А потом отправить домой!

Фэльма, не раздеваясь, прошла в кабинет, открыла бюро, достала хрустальный графин, плеснула себе золотой жидкости, осушила залпом. Леон, с удивлением

наблюдая за матерью, поспешно прикрыл дверь. Не хватало еще дать слугам повод для сплетен.

– Все так плохо? – спросил, потому как настолько злой он не видел мать, даже когда сбежал с навязанного свидания, выпрыгнув со второго этажа.

– Паршивее не бывает, – подтвердила Фэльма, поджимая красивые полные губы. – Я ведь предупреждала: неважно, сколько сил ты отдаешь на благо страны, если понадобится – император использует тебя так, как ему потребуется.

– Меня сместили с должности? – прищурился Леон.

– Пока нет, – покачала головой Фэльма, – но курсируют упорные слухи об опале и твоём скором отбытии за Касторские горы.

Леон стиснул кулаки, глубоко вздохнул, приказывая успокоиться и унять горящий внутри гнев. Как они и предполагали, его постараются удалить со двора. Императора можно было считать кем угодно, но не дураком. Он не хочет скандала, а удаление со двора – шанс для Вандаренбергов избежать позора. Помолвка не одобрена. А что в газетах писали, так мало ли кто ошибся... Газеты выпустят опровержение, принесут извинения. Вандаренберги подтвердят: знакомство с девушкой было поверхностным, и они здесь пострадавшая сторона. Идеальный расклад с точки зрения света, но не для него.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/ekaterina-bobrova/shantal-ili-korona-protiv-2>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)